

КИПЯТОК

прыгает по ветке снегурём моя жизнь

литературный фонд
СЕРГЕЯ СЕМЕНОВА

Оглавление

[Аннотация](#)

[Глава 1](#) У ворот военной прокуратуры. Вера-Верка - встреча-расставание.

[Глава 2](#) Весенняя абитура. Озабоченный Тарасов. Золотая докторша.

[Глава 3](#) Клиники, Тишка, свидания невпопад.

[Глава 4](#) Шмагин как Шпагин. Набережные. Зверь есть зверь.

Аннотация

Литературный фонд Сергея Семенова представляет вашему вниманию фрагмент рассказа «Кипяток», На сайте WWW.HAPPYRESUME.RU размещены и другие тексты интересного автора. В качестве новинки на сайте использованы moovie-иллюстрации. Приобрести полный текст повести и других произведений вы можете, нажав на кнопку "Перевести" (ниже указанной стоимости произведения), при этом вы перейдете в платежный сервис ЮMoney, там укажете в строке свой электронный адрес и перечислите с карты, заполнив ее данные в сервисе, в ЛитФонд сумму, которая была указана на сайте над кнопкой "Перевести". После перевода на ваш электронный адрес поступит выбранное вами произведение в нескольких форматах: ePUB (для электронных книг), также в форматах pdf и zip. Кроме того, вы можете написать нам по адресу:

semenov-2211@yandex.ru

Мы надеемся, вам понравится проект ЛИТФОНД

Краткий сюжет рассказа: драматическая история про странную привязанность военного к хрупкой докторше. Героиня никак не может победить хаос, который прячется внутри. Прогулки по набережным, влюбленные взгляды и снега, снега в душе. Безжалостные строки стихов и расставание, как приговор. У автора необычный стиль, редкая манера описывать переживания героев. Жесткий капитан преобразается, рассказывая нам о своей потерянной любимой. Яркие сцены сами собой возникают перед глазами. За героев волнуешься, как будто на самом деле все это случилось рядом. Как обвал в горах. Случилось и задело тебя.

ЯРКИЕ ЭПИЗОДЫ РАССКАЗА

Вера сидела рядышком, завитая, нервная. Не подходи, обожжёт. «Шмагин, - шепнула она, - ну, что, боисся?» А чего мне бояться. Не в атаку ведь, жениться. У Веры проступали розовые пятна на шее. Появлялись, проползали, таяли. И пропадали. Казалось бы, что ей с военным человеком волноваться. Кто меня знает, может, в последний момент стукнуло Вере в голову завитую, что же она делает, куда едет. Может взять, да и разбежаться, пока не спросили, согласны ли мы и всё такое прочее.

* * *

- ...Не надо ничего, просто пришлите еще кого-нибудь.

- А если этот Тарасов завтра чего другое выкинет?

- Ну, тогда выведите его во двор и пристрелите.

Сказала так и усмехнулась.

* * *

Существовала докторша моя на этом свете как-нибудь. Нет, квартира у неё обставлена прилично. Ковры, люстра разноцветная, побрякушки, телик. В ванной стиралка новая. Только я не про это. Отличалась Света от других. Не было в ней неотвязной мысли, которая в любой одинокой тётке сидит: как, мол, завтра жить буду, да с кем. У Светки по-другому выходило. Прошла неделя, и хорошо, и ладно. Готовила редко, на скорую руку. Схватит картошки в кулинарии, курицу отварит, вот тебе и все разносолы. Ну, друзья у нее были. Насчет этого надежная она. Часто слышал, как подружку какую-нибудь лечиться пристраивала. Но ни слова про своих-то родных, есть они или нет, неизвестно, а я не спрашивал. С кошками бездомными вечно возилась. Все про таких кошек знают, многие жалеют, только никто домой не берёт.

* * *

Под хорошее настроение придумывала она прозвания для меня всякие. Сначала, например, был я просто «Костя-капитан». Потом надоело. «Шмагин, Шмагин... Нет, это не годится. Буду звать тебя Шпагин. Насквозь чтоб, навывлет. Костя Шпагин. Звучит, правда?» Ну, а после того случая, с теткой двинутой, в кафе, сделалась Света скучная. Без улыбок, без выдумок, насквозь осенняя. Раз я как-то позвонил. Она через два слова трубку бросила. Ждал, конечно, что пройдет. Неделю не видимся, другую. И тут взяла меня тоска. Привык я все же к ней. Но не станешь, как мальчишка, у дверей жаться. Что сделаешь. Ну, думаю, поноет, как зуб, да перестанет.

* * *

А в голосе следа нет от того, что вечером-то было. Пригляделся, у нее кисть бинтом замотана. Я вскочил, подхожу, обнять хотел, она выскользнула, резко так. В сторонку отошла, поморщилась. «С рукой-то что?» - «Неважно, неважно. Знаешь, Костя, ты поезжай домой. Сама справлюсь, всё прошло уже». Да где же, милая, прошло, если рука у тебя порезана, на столике ножницы медицинские, острее бритвы. И вата на полу валяется, вся в крови.

Но через минутку-другую слышу, пятки босые по полу шык-ш-шык. Папахен Светкин вернулся и на меня смотрит. Поморщился он, будто от кислого. И пальцем желтым к себе манит. Ладно, думаю, не съест, подхожу ближе. Он пыжился, пыжился. «Чего, - спрашиваю, - папаша, надо-то тебе?» - «Ты Светочку привез?» Я кивнул. Оглядел меня опять и пальцами, раз, лоб мне ощупал. И улыбнулся. Ну, дядя, этим не удивишь. Потрогал, так и на здоровье. А все же жду, не выкинет ли еще какой штуки. На вид хлипкий, если кинется, не велика важность, завернем. Но

противно, как вот от вида калеки какого, холодком по сердцу тянет.

* * *

В отдельном альбоме помещались у неё фотки, только лица. Мужские, женские. Слева нормальные, а справа тот же человек, но будто гримасу корчит, щеки растянул или брови наморщил. Странное, надо сказать, зрелище. Возьмет иголки тонкие, примерится и вкалывает их по линиям особым, и на щеках, и у висков, и на скулах.

Литературный фонд Сергея Семенова

Москва, 2022

www.happyresume.ru

Все права защищены

КИПЯТОК

Действующие лица и персонажи, которые упоминаются в тексте:

Шмагин, капитан, преподаватель танкового училища

Вера, бывшая жена Шмагина

Любаша, знакомая Шмагина

Светлана Щеглова, врач медицинского университета имени Сеченова

Наташа Гусева, по прозвищу Тишка, врач-практикант того же университета

Отец Светы, человек больной

Мишка-друг, Яша-Фонарь, прапорщик Аглямов, Введёнкин - сослуживцы Шмагина

Перминов, полковник, преподаватель мат/части

Илья Григорьевич, по прозвищу Капкан, генерал, начальник курса

Тарасов, озабоченный абитуриент

Николай Иванович Зиновьев, следователь военной прокуратуры

Глава первая

У ворот военной прокуратуры. Воспоминания о трамваях. Вера-Верка. Вранье. Встречи-расставания. Любаша и кипяток в голове.

Сугробы у прокуратуры, как по линейке. С самого утра лопатой их ровняют. У вертушки на проходной скучает сержант в теплой куртке. Ботинки у него, как и полагается, начищены. А на ремне болтается штык-нож.

В прокуратуру я звонил ночью. Дежурный офицер выслушал, назначил время, когда прийти. Раз такое дело. И голос у него был вежливый, мирный. И фамилия тоже мирная, Зиновьев. Вот к нему я и пойду. Еще посижу и пойду. К тем сугробам, которые равняют сейчас салаги... Может, выпить еще немножко? Наверное. Там-то ведь не дадут. Там - нет.

Ну, вот и все. Подъем, капитан!

Я пошарил у ворота, но привычных крючков не было. Не шинель ведь. Обычное драповое пальто. Как будто теперь у меня не было права носить привычную военную одежду. Хотя костюм ничего себе, вполне еще приличный. Для военной тюрьмы.

В этом костюме я женился на Вере. Когда же это было? Семь лет назад. В загсе на Красносельской. Рядом, на повороте, трамваи всё звенели. Летние трамваи, нарядные.

Вера сидела рядышком, завитая, нервная. Не подходи, обожжёт. «Шмагин, - шепнула она, - ну, что, боисся?» А чего мне бояться. Не в атаку ведь, жениться. У Веры проступали розовые пятна на шее. Появлялись, проползали, таяли. И пропадали. Казалось бы, что ей с военным человеком волноваться. Кто меня знает, может, в последний момент стукнуло Вере в голову завитую, что же она делает, куда едет. Может взять, да и разбежаться, пока не спросили, согласны ли мы и всё такое прочее.

Но нет, справилась тогда Вера, распрекрасная тонкая Вера. Пошли мы в белый зал, где и ответили высокой тетке в костюме, как положено. И жили года три ничего себе. Появились словечки у нас с Верой, ласковые такие. Которые говорят по вечерам. И выходные случались хорошие, длинные. Ничем не занятые, приятные, специальные такие выходные для двоих.

А потом стала Вера мне врать. По мелочи. Сегодня, мол, к Томке поеду, поздно вернусь. К Томке, так к Томке. Поздно, так поздно. И как-то приехала она от очередной подружки, вышел я в прихожую встречать. И взглянула Вера на меня, так взглянула, будто застрелить

хотела. Я и сообразил, куда она ездит и зачем. Только вида не подал. Ну, бывает, запутается женщина, а потом опять в колею войдет. С кем не случается.

Я ведь привык к ней, к нервной, к завитой Вере. К Вере худенькой. Только потом стала она незаметно Веркой насмешливой. Раньше всё, бывало, если случилось что, прижмется ко мне, лицо на груди спрячет, голову вверх поднимет и шепчет: «Шмагин, как быть?» А тут стала улыбаться криво, одну бровь кверху тянуть. Что ты, мол, сказать- то можешь, капиташка. Я молчу. Жду. Тогда стала она скандалы разводить. Ты, мол, бирюк, ледышка. Живу, будто одна. Конечно, ясно уж было, не поедет та лодочка дальше, о которой на свадьбе тесть говорил. Может, я и в самом деле такой, как говорила. Нелюдимый. Ей, новой этой Верке, Верке насмешливой, было виднее.

Прихожу как-то с дежурства по училищу, а у нее уж все собрано. Будто на юг ехать, чемоданы да пакеты. «Ухожу, - говорит Верка, - от тебя. Врать надоело. Понимаешь меня, Шмагин!» Я понимаю. «К кому же ты, Вера (Вера завитая, Вера бледная), уходишь? Интересно просто, к кому?» - «А почему, неинтересно тебе, нет?» - «Ты же сама сказала, врать надоело. Поэтому». Верка расстроилась, пошла пятнами розовыми, глаза скосила. Только не плакать же ей при таком раскладе у меня на груди, как привыкла. Да и сама Вера уже другая была, не та, что на Бауманской, в загсе, где трамвай всё звонил, на мост просился. Носик аккуратно платочком потёрла, сказала напоследок, на развод сама подаст. И уходит она к обычному мужчине, к гражданскому. А жизнь её дальнейшая меня, Шмагина, не касается. Ну, не касается, и ладно.

Только как пошла она к дверям, тут я понял, что ждет она от меня, бледная и тонкая, всего-то пару слов. Пустяшных, коротеньких. Оставь, мол, сумки, давай сядем, подумаем. Только я промолчал. Хлопнула Верка дверью и уехала.

Я расстроился тогда всерьёз. Засел дома и пошло-поехало. Противно, а пью. Мишка- друг через пару дней припёрся. «Бросай, - говорит, - Шмага, эту волынку. Эка невидаль, не та попалась, подумаешь! Тебя Капкан спрашивал. Тоже, понимаешь, переживает».

Капкан у нас мужик на ять. Плотный такой, надежный. Илья Григорич. В генеральских шикарных штанах. С лампасами.

На следующее утро, когда за окнами возилась еще снежная муть, начищенный и выутюженный шагал я по коридору. Вот и дверь знакомая, «учебный класс номер двенадцать». А за дверью полкаша наш старенький, Перминов, развесил плакаты и бродил с указкой. «Вот, товарищи курсанты, схема первая. В центре крупные буквы «пэ» и «эм». Что бы это значило? Некоторые из вас, наверное, подумали: «Перминов - му...». Неправильно! Так обозначают планетарный механизм. Почему его называют планетарным?... Селезнев, почему?»

Коридор светлый, широкий. Я шел и улыбался.

И закрутилось снова, смена, дежурство, смотр, стрельбы. Стук-перестук каблуков по плацу. «Пэ-эт з-знамя пэ-элка, р-р-няйсь... Пер-р р-ро-ота... И-ии, р-р-рыз!» Тут все правильно, до точки распоследней. Я и оттаял понемногу.

Конечно, попадались мне и другие тётки, после Веры-то. И завитые, конечно, тоже. Только не заладилось с ними. Раз сидели у чернявой одной, у Любаши. Аккуратная, нечего сказать и домовитая. И припёрся ее бывший. «А-а, - говорит, - военный! Чёта военные сюда зачастили. Счас я тя сделаю!» И сделал.

Кипяток у меня в голове плеснул, случается иногда такое. Сгрёб бывшего и с лестницы провернул. Люба вскинулась, трясется вся, плачет. Жалко ей стало, что об пол бывшего приложили. «Ах, - кричит, - убили!» Какое там, боров этот еще лет двадцать протянет.

Потом, когда наладили бывшего обратно, отдышалась Люба и говорит: «Знаешь, Костя, не получится у нас с тобой. Ты меры не знаешь, мне с тобой страшно. Как ты его поволок, у меня сердце прям, стук и встало. Я так не могу. Может, ты и прав, но никак. Понимаешь?» Я понимаю, никак. Ну, цацкайся, милая, со своим синюхой сама.

Глава вторая

Училище. Весенняя абитура. Знакомство со Светой. О том, как странному Тарасову отбили кое-что.

Вообщем, совсем я эти дела с тетками отставил. Училище только и видел. Стрельбы учебные и боевые, проверки, дежурки, а весной что же, весной абитура. И такая карусель день за днем. Это ведь только кажется, грубятина там у нас, кирза, сапоги, шинели, ватники, мазут да брезент. А ведь нет-нет, выглянет и серьезное, честное, стойкое такое из жизни выглянет. Не шутка ведь, просчитать, какая у навесной стрельбы плотность. Надо кое-что понимать. Выведешь схему тушью на рыжей кальке, радуешься. Понял меня класс курсантский, снова радуешься. И в этом оказалась длинная надежная линия. Раньше я и не думал про такое.

Как-то на плацу развернулись, Капкан голову повернул, как гаркнет: «Сми-и-ии-рррн... Слу-ууший мою коман-ду-у...» Как будто что-то в сердце мне ткнулось, вот как Веркина голова всё равно. Свое, надежное, главное.

И как с тетками перестал я возиться, стал замечать, на Новый год там или у ребят что-нибудь, звание новое, свадьба, новоселье, так сядет рядом какая-нибудь, в глаза заглянет: пойдете, мол, капитан, потанцуем. И всё по рукаву гладит, будто пробует, настоящий я или нет. А духи розовые, приторные, как нарочно, у каждой третьей. Может, просто я, Шмагин-капитан, постарел. Только совсем без тёток выходило мне спокойнее. В училище их ведь немного. Кассирши, поварихи, врачихи, преподши, из гражданских вузов, вот и всё. Кивнешь, дальше шагаешь. И пускай Сухарем за глаза зовут. Я не в обиде. Зато три роты в лучшие вывел. И остальное б наладил, дай срок. Только вышла одна штука. Какая? Вот эта самая, из-за которой сiju я теперь в стекляшке, на Фрунзенской, пялюсь на прохожих. А в училище напрасно меня ждут.

Только надо по ранжиру мысли расставить. И начать с экзаменов для абитуры. Абитура ведь что такое? Каждый год, весной, собираются в училище молодые ребята. Приезжают с гражданки и из войск.

Крепкие, веселые. И много их, много. Все хотят к нам, в краснознаменное и высшее, поступать. Это, конечно, хорошо, что снова тяга к военному делу появилась. Только разные ведь они, надо присматривать, мало ли что. Те, что из войск, дембеля, то есть, могут гражданским сгоряча и навешать. Этих самых. Хотя крупных драк давно не было, чтобы там с травмами серьезными. А все равно, и Капкан, и замы его сутками домой не уходят. Ну, а уж про меня, что и говорить. Шмагин всегда на посту.

Заступил я дежурным по училищу. Медкомиссия еще тут замешалась. Доктора понаехали, парней выстукивать и выслушивать, разводить писанину. Вот и крутись, с одной стороны ночью ребятаки норуют пьянку устроить, в самоволку свалить. А с другой стороны, белые халаты меня поедом едят. Тащат всякую мороку, стекляшки, лекарства, лампы, плакаты разноцветные. Для проверки. И за всем смотреть надо.

Тут попался мне на глаза один парень. Из абитурки. Высокий, видный. «Как, - спрашиваю, фамилия?» Оказывается, Тарасов. И все бы ничего, только на докториц засматривается, потому и отметил я его. Прямо глаз не отрывает. Нехорошо это.

Если курсантик мигает, тянется, мнетса, когда тётки мимо проходят, это ничего. Долго в глухом углу сидел, а тут девчонки, какие хочешь, по улицам крутятся, вот он и млеет, и тушуетса. Это пройдет. У нас весной, как вечер из-за реки свалится, к ограде училищной девки тучами слетаются. Даже и трогательно, лиц не видно издали, полощутса платьишки под фонарями на гражданской стороне, а кителя курсантские там, где ротная коробка на асфальте разлинована. Стоят себе, друг на друга любятса. Дело молодое, хотя и не положено, у ограды-то.

А тут другое совсем. Пялится Тарасов на тётки во все глаза. Потом губы облизнет, башкой крутит. Оглядывается, не видел ли кто. Глаза собачьи, тоскливые. Таёт от любой, то есть, юбки. Ну, думаю, приятель, попался ты мне вовремя. Как раз для таких на складах полно дел. Что щебень, что песок, всё едино. Бери, кидай. Думай про мешки, про ящики, ставь аккуратно. Поманил его, послал в пищеблок, мешки таскать.

Пристроил Тарасова и забыл о нем. Мало ли дел-то. Тут еще докторша одна прискакала, оборудование ей припёрло распаковать и

на четвертый этаж в новый корпус тащить. Звали докторшу Светой Николаевной.

Вот тогда, в самые экзамены в танковое училище наше, мы с моей Светой и познакомились. Она в комиссии медицинской работала. Какая она была? Роста небольшого, стройная, халатик ладно так на ней сидел. Глаза ясные, серые, щеки с ямочками, как на яблоках сорта ранет. Взглянули мы друг на друга и что-то тут у нее в глазах проскочило, искорка какая, что ли. Я, конечно, сушеный военный дядька, что мне доктроша, пускай и глазастая. Но тут взял и улыбнулся ей в ответ, сам не ожидал. Кивнул и говорю вежливо, идите, мол, Николаевна, всё вам будет. «А когда?» - спрашивает. И опять на щеках у нее ямочки обозначились. Упрямая какая, что с ней делать. Сплавил её прапору Аглямову. Он уж точно знает, когда.

Тут ко мне дежурные заявили, потом Яша-Фонарь, а за ним штабные, еще из оружейной. Телефониста в третий корпус запросили. Смотрю, мимо тащит коробка парень этот самый, что по каждой тётке сохнет, Тарасов, чтоб ему. «Куда, - спрашиваю, - несешь?» - «Докторам, т-р-риц капитан, в новый корпус». Ладно, думаю, надо бы зайти, посмотреть, как ты там. Народу негусто, лето, еще не всех разместили. Вот и выходит... Только снова меня отвлекли, в подвале свет делали, надо было люки открыть. Ну, открыл, Введёнкина рядом поставил, чтобы не загрели по лихости, а сам побрёл к новому корпусу. Ну, какое, спрашивается, мне дело, куда там этот двинутый коробки понес? А сердце не на месте. Глупо, конечно, но как будто от докторши беленькой, от Светы этой, от Николаевны, какой проводок ко мне подключили. И ток по этому проводку шустро так побежал.

Поднимаюсь. На четвёртом этаже тишина мёртвая. Если б голоса или смех там, тогда ничего. Ну, думаю, дрянь дело. Дверь-то дёрг, а в кабинете всё в порядке, докторша стоит у окна, ящички расставляет. Тарасов уселся у стенки на корточках, руками коленки зажал. И на вид сонный. «Ну-ка, - говорю, - пойди сюда!» Дома так-то, у стенки отираться будешь. А то целый капитан входит, а он и ухом не ведет. Мало, что долбанутый, так еще и невежливый. Докторша поворачивается, и начинает объяснять, быстро так стрекочет, парень, мол, неудачно повернулся, об угол приложился. И лучше ему пока так посидеть, минутку-другую. Подхожу поближе, действительно,

Тарасов-то на вид бледный и взгляд нехороший, мутный какой-то. Ну, задача.

Тут он сморщился, выдохнул, стал кое-как выпрямляться. «Р-зршите, трщ-щ капитан, на минутку выйти, я счас...» - «Иди, иди, конечно». Странно он ногами загребает, враскорячку тащится, как краб. Тут до меня дошло. Это она, Света, его приложила. Прямо по причинному месту, чтобы не лез.

А докторша к окну отвернулась, занимается своими делами, коробочки открывает, упаковкой шуршит. Выглянул я в коридор, ничего себе ковыляет Тарасов, за одно место, правда, держится. «Пришлите, - говорит Света, - еще кого-нибудь, а то этот из строя вышел». Помолчала и тихо так добавила: «Только нормального, пожалуйста!» Я помялся немножко, ну, что сказать-то. «Какие уж есть.»

Подошел к ней поближе, Света мне чуть выше плеча приходится, а смотрит строго.

- Вы не сердитесь, Светлана Николавна...

Она серые свои глаза на меня подняла.

- Я не сержусь. Противно только.

- По-хорошему надо бы делу ход дать, как положено, рапорт там, расследование...

- Не надо ничего, просто пришлите еще кого-нибудь.

- А если этот Тарасов завтра чего другое выкинет? Лучше бы...

- Ну, тогда выведите его во двор и пристрелите.

Сказала так и усмехнулась. Ничего, между прочим, смешного. Вот, в позапрошлом году один такой, от несчастной любви, пошел к оружейке, стал замок крутить. Хорошо, Аглямов смекнул, отвел его в сторонку, расспросил, к доктору наладил.

Ну, промаялись мы с докторшей еще минут пять, а там за мной вестовой прётся, в пищеблок зовут, пробу снимать. Прислал я к докторше Киселева, он спокойней мерина. Что такое, в самом деле, пустой этаж, ни души, только Дюймовочка эта бродит. Дождался я его и пошел по делам. Но все равно, за день еще раза три заходил. В конце концов, улыбнулась Света и говорит: «Да не бойтесь, капитан, мне охрана не нужна, сама справлюсь». Ладно, думаю, пускай училищный доктор в своем хозяйстве разбирается. С тётками одна морока. Плюнул я и ушел. «Не пойду больше, - думаю, - ни за что».

Вечером уже у прапора спрашиваю: «В новом корпусе есть кто?» - «Только докторша, маленькая эта, как ее звать-то?... Только она». Ну, что делать, потащился опять. Света уже вниз наладилась, как раз на лестнице мы и повстречались. Идет она, в плащике, каблучками цокает. Как увидела меня, улыбнулась. И прядку волос на палец наматывает. Хорошее, значит, настроение.

- Как же понимать, капитан, ваше появление, неужели провожать собираетесь?

- Нет, просто выведу с территории, а там уж не моя забота.

Повела Светлана глазами, но не сказала ничего. Плечами только пожала. И пошли мы. Слово за слово, разговорились. Вот ведь странно, откуда ей про меня понять. Только вот взглянет, я уж и вижу, что сообразила, про все, то есть, мои военные дрова-опилки. Может, показалось только, не знаю.

Повез я ее домой. Оказалось, она недалеко, на Преображенке, живет.

Глава третья

Милая моя докторша. Клиника, Тишка, свидания. «Сестру мою изуродовала...»

С тех пор так и пошло. Отвезу, куда скажет, подожду, иногда пообедаем вместе. Но не более того. От дома ее, у самого моста, на набережной, до самой клиники маршрут выучил. Везёт мне, кстати, на мосты. И на трамваи. Про нас с ней особо я не раздумывал. Кто я ей? Скучота, рябой капиташка. Она же для меня выходила, как... Ну, вроде солнечного зайца. В ноябре, когда кругом всё серое, стылое, коробка ротная стоит, с ноги на ногу переминается, рожи тоскливые. Так рыжий закатный луч с крыши и соскочит, промахнет по лицам. И на душе как-то полегче станет.

Существовала докторша моя на этом свете как-нибудь. Нет, квартира у неё обставлена прилично. Ковры, люстра разноцветная, побрякушки, телик. В ванной стиралка японская. Только я не про это. Отличалась Света от других. Не было в ней неотвязной мысли, которая в любой одинокой тётке сидит: как, мол, завтра жить буду, да с кем. У Светки по-другому выходило. Прошла неделя, и хорошо, и ладно. Готовила редко, на скорую руку. Схватит картошки в кулинарии, курицу отварит, вот тебе и все разносолы. Ну, друзья у нее были. Насчет этого надежная она. Часто слышал, как подружку какую-нибудь лечиться пристраивала. Но ни слова про своих-то родных, есть они или нет, неизвестно, а я не спрашивал. С кошками бездомными вечно возилась. Все про таких кошек знают, многие жалеют, только никто домой не берёт.

Торопилась она жить, Светка-то. Иногда задумается, глаза серые раскроет, смотрит, будто удивляется, зачем кругом столько всего наворочали, чужого, ненужного. И задумается, улетит следом за мыслями своими, а уж куда, так я и не разобрался.

С утра она из подъезда выскочит, стрельнёт глазами, прострочит каблучками, подол ловко так, щепотью, прихватит, сядет ко мне в машину. Улыбнется, кивнет, поехали, мол. От дома до клиники проскочим утром в понедельник, а там до конца недели можем и не увидаться. Звонок, ответ и довольно. А мне нравилось, честно сказать,

ничего между нами мутного, неотвязного. Конечно, она симпатичная, даже очень. Но раз нам и так хорошо, к чему в постель друг друга тащить. Эка невидаль.

Как свернешь с Садового, так целая улица из больниц, одна за другой. Потом бульвар, за ним колоннада. Дальше мраморный Пирогов, в руках череп держит. Сидит, прохожих разглядывает. Тут как раз и была Светкина клиника.

Быстро я там примелькался. Видят, я за ней приезжаю. Сижу в холле, поджидаю. Один тебе кивнет, спросит что-нибудь, другой. Там ведь они все вместе, доктора-то. Дежурства, летучки, конференции, обходы. В госпитальном коридоре мы и с Тишкой познакомились. Так Света докторшу одну молоденькую прозвала. Есть в клиниках такая учеба, после института, когда в профессию медички влезает, интернатура называется. Почему Тишка? На самом деле звали её Наташа Гусева. Рыженькая, в очках модных, узких таких. А за очками глазки синие, удивленные. Несется в халате коротеньком, на птичку похожа. И как пойдёт тараторить: «Свет, Свет, а надо ли в седьмую капельницу или лучше уж завтра сразу...» Светка на нее взглянет, нахмурится. «Тише, тиш-шш...» Так и переехало это «тише» в «Тишу». Она откликается. И смотрит на Светку во все глаза. Еще бы, Света опытная, подходы знает, во всём разбирается. Поджидала ее Тишка по утрам, как привезу Светку, так к нам Тишка и подкатывает, улыбается, очки поправляет и новости выкладывает. И по клинике за ней таскается, как нитка за иглой.

Тишка ее и выручала. Светка ведь, кроме клиники, еще в двух местах подрабатывала. Да еще ботокс этот. Есть такой препарат. Введут, к примеру, вокруг губ, раздуются они, морщин не видно. Многие актрисы себе сделали. Получаются лица, будто у пупсов игрушечных: щеки надуты, глазки выпучены, губы оладьями. Считается, что омолаживает. Глупость, конечно. Светка выучилась уколы эти делать, рассказывала, надо, мол, у виска, на шее, под глазами, а там нервов пропасть всяких. Но дело модное, прибыльное.

Вот и надо было иногда ее подменить, выручить, мало ли. Но Светка все равно свысока к Тишке относилась. Командовала. Меня-то Тишка сразу и не признала, топорицилась, кто это, мол, с ее Светочкой разъезжает. Ну, я с ней ровно, что теперь сделаешь, не на части же нам Светку теперь распилить. А потом привыкла Тишка, что ли. Вечером

заметит меня, подойдет, расспросит. Узнала, что я с танками дело имею, так все веселилась, просила, чтоб как-нибудь свозил ее к нам в училище. Танка, мол, никогда близко не видела. Так и появилась у меня вместе со Светкой и еще какая-то жизнь, не только дульные тормоза и пальцы траковые.

А месяца через два вышла одна скверная история. Пошли мы в кафе, в Дровяном переулке, на самом углу. Я вперед двинул, Светка за столик села. Заговорил с девочкой за стойкой, про заказ что-то. И смотрю, девочка эта куда-то за мое плечо смотрит, внимательно так. Смотрит и в лице меняется. Что такое? Поворачиваюсь. Светка поравнялась с какой-то плотной теткой. Поравнялась и застыла. Пялятся они друг на друга. Как кошки перед тем, как сцепиться, только что не шипят. Я к ним.

И слышу, как тётка Светке моей говорит, сорванным таким голосом: «Ну, что, попалась, гадина! Теперь с живой с тебя не слезу, прям отсюда в милицию пойдём. Понятно?» Тут я сообразил, что тетка-то психованная, хотя по ней и не скажешь. Ну, что? Беру я тётку тихонько под руку, тяну в сторонку. А Светка побелела, сумочку руками сжала и смотрит на нас. Тетка повернулась ко мне, шепчет: «Она мою сестру изуродовала. Вы понимаете! Она ...» Я тетку к себе подвинул и говорю: «Вы бы присели, отдышались». И тяну ее уже серьезно. Тетка носом захлюпала, понесла околесицу какую-то. Света, мол, делала сестре инъекцию ботокса этого и нарочно что-то там повредила. Лицо у сестры на сторону и повело. Я только руками развел. «Вы не волнуйтесь, - говорю, - разберемся». А сам киваю Светке, чтобы она на улицу двигала, пока дурище этой скорую вызовут.

Народ вылупился на нас, лица похожие сделались, никак понять не могут, что случилось. Наконец, девки из персонала доперли, сдал я им тетку, хотя та и порывалась за Светкой махануть.

Вышел я на улицу. На душе кошки скребут. История странная, дураку ясно. Сели в машину, Светка курить потянулась, а руки трясутся. И все еще бледная, как полотно. Я молчу, ничего, ни полслова. Ну, закурила она кое-как. Жадно так затягивается. Будто только что из драки. По сторонам смотрит, через пару улиц, у другого кафе попросила остановить. Вылезает и смотрит сквозь меня, безразлично так.

А ведь уколы Светка и вправду делала, если попросят, так и на дом приезжала. Но не полез я спрашивать, что, мол, за бред, не полез. Дурак, конечно. В этот момент как будто кто ко мне подошел, насквозь знакомый. Наклонился к плечу и сказал: «Ладно, брось, проехали... Не расспрашивай». Как уж я ждал, что Светка сама скажет, спуталась та тётка. Или там не в себе она. И что на самом деле, мол, по-другому вышло. Но ни-че- го, ровным счетом.

Бывало у Светки и раньше такое. Если погода сырая, серое всё и город за окнами будто размывает, тогда к ней лучше не соваться. Если какая срочность, куда подскочить надо, так Света вызовет меня, сядет, как к незнакомому, «да», «нет», «ничего» и еще «не знаю». Лицо даже меняется. Серьезно. Глаза меньше делаются, рот сожмется. Нахмурится она, руками себя обнимет, будто холодно ей. Ну, всякое бывает, что же в душу лезть, только у меня всегда от таких ее перемен сердце сжималось.

Но ничего, сижу, молчу, вида не показываю. И как-то раз, в такой безрадостный день, Светка вышла было из машины, потом сунулась назад, за плечо меня взяла и говорит: «Не сердись, устала я просто. Не сердись, ладно?» И так горячо мне стало, приятно. Снова дурак, конечно. Только привязался я к ней накрепко.

/p>

Глава четвертая

Шмагин как Шпагин. Наши набережные. И в лице у нее ни кровиночки. «Зверь есть зверь...» Синь-снегирёк.

Под хорошее настроение придумывала она прозвания для меня всякие. Сначала, например, был я просто «Костя-капитан». Потом надоело. «Шмагин, Шмагин... Нет, это не годится. Буду звать тебя Шпагин. Насквозь чтоб, навывлет. Костя Шпагин. Звучит, правда?»

Ну, а после того случая, с теткой двинутой, в кафе, сделалась Света скучная. Без улыбок, без выдумок, насквозь осенняя.

Раз я как-то позвонил. Она через два слова трубку бросила. Ждал, конечно, что пройдет. Неделю не видимся, другую. И тут взяла меня тоска. Привык я все же к ней. Но не станешь, как мальчишка, у дверей жаться. Что сделаешь. Ну, думаю, поноет, как зуб, да перестанет.

Хорошо, Мишка-друг покоя не дает. Дверью только хлопнет и ну орать. «Шмага, балда ты вятская, что сидишь, дохлый пистон, седьмого новые рации для броников привезут, знаешь или нет?» Рации так рации. Вызвал Аглямчика и Фонаря, рассудили, какие борта комплектовать, какие пустыми оставить. Аглямчик, голова, между прочим, сообразил, как напрямую запитать.

И закутились дела по этим рациям. Сидишь до ночи, голова чугунная, пожрать некогда. Я даже и спать в кабинете у себя прилачился. Только изредка, на закате, подойду к окнам большим полукруглым, со спицами золочеными, что на набережную выходят. Облака оранжевым выкрашены, плывут себе за реку, важные, безразличные.

Вздохну, задумаюсь, сейчас про Светку и вспомню. Скучал я, выходит, по ней сильно.

Как-то в феврале, в туман и слякоть, остановился на Комсомолке сигарет купить. В воздухе морось какая-то висит, прохожие, как тени, мимо тащатся. Как будто тонет улица, пропадает, от всего города только и осталось, что эти вот три метра мостовой и осталась.

И вдруг вижу я, идет мимо моя Светка. В лице ни кровиночки, будто из неё всю жизнь выпили. Под ноги уставилась, еле тянется. В

шапочке меховой, в шубке, сумочка кое-как болтается, сама по себе. Народ оборачивается. Плохо, мол, дамочке. Я подлетел к ней. Что ты, что? Она на меня глаза подняла и слабо так, чуть не по слогам, протянула: «Шпа-аа-гин, ты откуда?» Взял ее в охапку, сунул в машину. Там она разрыдалась. Колотит ее, ревет в три ручья, захлебывается. Одну ее не могу оставить, мало ли, сейчас возьмет, под колеса и кинется. Пришлось военными методами обойтись. Тряхнуть да прикрикнуть.

Пока ехали до Преображенки-то, вроде ничего, утихла она, вздыхает только. А у набережной просит меня Светка тормознуть. Ну, чего тут тебе делать-то? Или плохо стало? Да, кивает, плохо. Остановился. Вышли из машины. Я, на всякий случай, рядом иду. Она рукой машет, постой тут, я, мол, дальше сама. А куда ты сама-то, возьмешь еще и в реку кинешься. Смотрит на меня, как на помеху, ну, отойди ты, пожалуйста. Ладно, остановился, жду её. Светка к каменным перилам подошла, сумочку раскрыла, выглянула вниз, посмотрела, где промоина, вытащила из сумки сверток какой-то, в воду швырнула. «Костя, свежи меня домой, я еле живая!» У меня в башке карусель, одна мысль другую цепляет, ни хрена не разберёшь.

Приехали мы к ней. Села Светка за стол на кухне, лицо в ладонях спрятала и бормочет: «Ну, как же...Как же так!» Будто заело. Ну, дома не на улице. Повёл в ванную, умылась. Посадил на кухне, чаю заварил покрепче. «Шпагин, у меня... вышла неудача... опять. Я расстроилась ужасно. вот и.» Руки стиснула, в одну точку смотрит.

Вижу, дело в тупик зашло. «Ложись-ка ты, Свет, спать. А я тебя покараулю». Она посмотрела на меня странно так, будто впервые видит. Пошла в спальню. Потом вернулась в халатике, кровать разобрала. «Иди, Шпагин, сюда. Мне страшно». Вот удивила, то не дотронешься, то спать укладывает. Ладно, как скажешь. Только прилёт, она ко мне прижалась и шепчет: «Скорее, Костя, скорее.» Куда гонимся, не на поезд ведь. Неприятно как-то, обнимаемся, а понятно, что не в себе она теперь.

Потом я всё курил, в окно смотрел. Там огонечки один за другим гасли. Троллейбус последний проскрипел, наступила тишина. Загасил сигарету, прилег, тут меня и сморило. Просыпаюсь, Светка уже на ногах. Тихо так встала, я и не почувствовал. Стоит у окна, силуэт темный, сигарета угольком тлеет. «Чего ты, - спрашиваю, -

вскинулась? Рано ведь, поспи еще» - «Не хочу. Со мной всё нормально».

А в голосе следа нет от того, что вечером-то было. Пригляделся, у нее кисть бинтом замотана. Я вскочил, подхожу, обнять хотел, она выскользнула, резко так. В сторонку отошла, поморщилась. «С рукой-то что?» - «Неважно, неважно. Знаешь, Костя, ты поезжай домой. Сама справлюсь, всё прошло уже». Да где же, милая, прошло, если рука у тебя порезана, на столике ножницы медицинские, острее бритвы. И вата на полу валяется, вся в крови.

Отзвонился Мишке-другу, аврал, мол, у меня, зайди к Капкану, объясни. Тот мигом понял, на то он и друг, положиться можно. И остался я у нее. Светка, правда, не в духе была сначала. Всё гнала меня. Я говорю: «Ладно, Свет, ладно, поругалась и хватит. Давай завтрак готовить. Молоко у тебя есть? Обещаю кашу, геркулесовую, полезную. Идёт?» Она кивает. Так провели мы неделю. Вижу, оттаяла немножко. Отвез её на работу. И с утра до ночи, сколько мог, крутился возле. Как дальше будет, не задумывался. Разве угадаешь. Не сидит хмурая, уже хорошо. По ночам у окна не мается, еще лучше. Так день за днем и тянулось. У Светки какие-то выдумки выплывали, то суп давай варить, то полки вешать. В мелкие, простые дела ныряла она, как в омут.

Передвигали мебель, приколачивали полки эти, мало ли дел. Книжек у нее полна квартира. На корешки взглянешь, так не сразу и разберешь. Особые состояния при патологии чего-то. Клинические неврозы. Всякое. Ведь кое-что и я понимаю, например, в баллистике, расчеты тоже нехилые. Но тут другое. Вот взять, да вылечить кого, пойдика, попробуй. Тут на одной математике не выедешь. Вроде колдовства. Человек не дизель, на части не разберешь. И живой, и боится, больно ведь ему.

И странной той недели остался у меня листочек, весь исписанный. Вот он, во внутреннем кармане шуршит. Подчерк у Светы крупный, угловатый, буквы направо валяются:

Ночь есть ночь, зверь есть зверь и отчаянье есть океан.

Снег есть снег, царь есть царь и воля стынет.

Нет сил знать, нет сил врать. Тогда что же?

Войти в тебя, как в океан, а там будь, что будет.
Камень не согреть, но руки есть ласка,
Только тронь, засмеётся царь.
Звери рыщут, стены дрожат, ты верь, верь, синь-снегирёк.
Даль есть даль, тень есть тень, только тень-тень...
Прыгает по ветке снегирем моя жизнь.
Вниз есть вниз, рано - это зря. Часть меня спит и трон пуст.
Не садись, не то позолота съест твои ногти.
Ну, скажи мне, скажи, какая она, та радость, что приходит утром?
Она белая и никогда, никогда не бывает ей больно, белой моей радости.
Сон есть сон, возьми прут, расцветёт ожог. Рассвет одинок.
Выйди в зал, там нечего красть, пыль смеётся над тобой.
Бриг - смешное слово, уплывёт, не успеешь разжевать.
Нет есть нет, брод зимой спит и любить - этого мало.
Сплю, а сон меня пьёт.
Жаль, небо слабее, ночь крадет его раньше, не успеть.
Небо устало, завтра его будет меньше
Слон так мал, что прячу его под кроватью.
Ванна печалится, никто не пришел и свет тлеет.
Ночь есть ночь, зверь весь твой.
В небе летит ангел. На нас он не смотрит.
Завтра есть завтра, ночь всегда рядом
И только снег прав:
Не стоит она того.

Листок я тогда с пола поднял, валялся он у окна, в темноватой маленькой комнате. Я Свету спрашиваю: «Это что же, твои стихи?» «Не знаю, - говорит, - так, ерунда... Во сне как-то услышала, голос мне читает. Взяла вот и записала». А я листочек тот убрал, сохранил. И запомнил накрепко, про синь-снегирия. Она и была сама, таким снегирем, птицей розовой посреди зимы.
Трудно мне было ее понять, вот вроде бы ухватил, а она выскользнет из-под руки, и в сторону. Давай, значит, капитан, сначала. Вроде бы игра такая...

* * *

ОКОНЧАНИЕ ОЗНАКОМИТЕЛЬНОГО ФРАГМЕНТА
ПОЛНЫЙ ТЕКСТ РАССКАЗА В СОСТАВЕ СБОРНИКА ВЫ
МОЖЕТЕ ПОЛУЧИТЬ ПРИ ПЕРЕХОДЕ ПО КНОПКЕ "КУПИТЬ"
РЯДОМ С ИЗОБРАЖЕНИЕМ НУЖНОГО ВАМ ПРОИЗВЕДЕНИЯ.

АДРЕС ЛИТФОНДА:

semenov-2211@yandex.ru